

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.08.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 11.09.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-8-120-125

МАМЕДОВ Алиаскер Эльманович,

аспирант,

Институт социально-гуманитарного образования МПГУ,

советник юстиции 3 класса,

e-mail: mamedov.aliasker2014@yandex.ru

ИДЕЙНОЕ НАСЛЕДИЕ АТАТЮРКА В ГОДЫ ИСПЫТАНИЙ: ИСМЕТ ИНЁНÜ МЕЖДУ КЕМАЛИЗМОМ И ПАНТЮРКИЗМОМ

Аннотация. Статья посвящена анализу внутренней и внешней политики Турции в период правления Исмета Инёню во время Второй мировой войны. Исследуется трансформация кемалистской идеологии под влиянием внешних угроз, которая выразилась в тактическом допуске пантюкистской риторики при одновременном подавлении исламизма в условиях строгого лаицизма. Автор доказывает, что данный идеологический «маятник» не был разрывом с наследием Ататюрка, а стал его прагматической адаптацией для обеспечения выживания государства. Особое внимание уделяется влиянию внутренних процессов в Турции на советскую внутреннюю политику: демонстративные реверансы Анкары в сторону пантюкизма были восприняты сталинским руководством как доказательство наличия «пятой колонны» и стали одним из факторов, повлиявших на принятие решений о депортации тюркоязычных народов СССР. В заключении делается вывод о стратегическом отказе Анкары от экспансионистской версии тюркизма и возврате к доктрине кемалистского национализма.

Ключевые слова: Исмет Инёню, кемализм, пантюкизм, депортации народов, Вторая мировая война, турецко-советские отношения, лаицизм.

MAMEDOV Aliasker Elmanovich,

PhD-student,

Institute of Social and Humanitarian Education,

Moscow State Pedagogical University,

Justice Advisor 3rd Class

THE IDEOLOGICAL LEGACY OF ATATÜRK IN YEARS OF TRIAL: İSMET İNÖNÜ BETWEEN KEMALISM AND PAN-TURKISM

Annotation. The article analyzes the internal and foreign policy of Turkey under İsmet İnönü during World War II. It examines the transformation of Kemalist ideology under the pressure of external threats, which manifested itself in the tactical tolerance of Pan-Turkist rhetoric alongside the simultaneous suppression of Islamist movements within the framework of strict laicism. The author argues that this ideological maneuvering was not a departure from Atatürk's legacy but rather its pragmatic adaptation to ensure the state's survival. Special attention is paid to the influence of internal processes in Turkey on Soviet domestic policy: Ankara's demonstrative gestures towards Pan-Turkism were perceived by Stalin's leadership as evidence of a "fifth column" and became one of the factors influencing the decision to deport Turkic-speaking peoples of the USSR. In conclusion, the article states that Ankara strategically abandoned the expansionist version of Turkism and returned to the doctrine of Kemalist nationalism.

Key words: İsmet İnönü, Kemalism, Pan-Turkism, Deportation of Peoples, World War II, Turkish-Soviet Relations, Laicism.

Введение

В текущее время ряд народов вспоминают памятную дату – 80-летие со дня их депортации, что вновь возвращает нас к необходимости пере-

осмыслить прошлое, избавиться от ощущения недосказанности и дать острым событиям адекватную оценку. В 2025 году празднуется 80-летие Победы в Великой Отечественной войне и оконча-

ние Второй мировой войны. Это обуславливает актуальность комплексного изучения исторических событий данного периода, в том числе в их международном контексте. Одним из значимых аспектов является анализ внутренней и внешней политики Турецкой Республики в годы Второй мировой войны и её влияния на советскую внутреннюю политику, в частности на решение о депортации тюркоязычных народов.

Актуальность исследования политики Турции при Исмете Инёню определяется необходимостью понимания эволюции турецкой государственности в кризисный период. Как преемник Мустафы Кемаля Ататюрка, Инёню в целом сохранял верность кемалистским принципам, но был вынужден адаптировать их к экстремальным условиям глобального конфликта. Это выразилось в заметных колебаниях внешнеполитического курса — от нейтралитета к сближению с Германией и обратно — и во внутренней политике, где наблюдался временный всплеск пантюркистских настроений. Данная трансформация кемалистской идеологии демонстрирует её гибкость и прагматизм, что составляет предмет данного исследования.

Парадоксальным образом внутренние процессы в Турции, в частности, риторика пантюркизма, воспринятая советским руководством как прямая угроза безопасности южных границ СССР, могли стать одним из факторов, повлиявших на принятие решений о депортации карачаевцев, балкарцев, крымских татар и турок-месхетинцев. Таким образом, анализ политики Инёню позволяет не только глубже понять эволюцию турецкого государства, но и по-новому взглянуть на логику репрессивной политики СССР в военные годы.

Идейная преемственность в политике Исмета Инёню

Заняв пост президента после смерти Ататюрка в 1938 году, Исмет Инёню столкнулся с необходимостью сохранения курса основателя республики в условиях нарастающей угрозы мирового конфликта. Ключевые принципы кемализма — республиканизм, национализм, этатизм, лаицизм и революционизм — оставались незыблемым идеологическим фундаментом государства.

Во внутренней политике Инёню продолжил линию на укрепление светского характера государства. Как отмечает А.Р. Исазаде, это выражалось в поддержке светского образования и ограничении деятельности религиозных организаций, что полностью соответствовало духу конституции 1924 года [3, с. 25]. Внешнеполитическая стратегия Турции официально базировалась на принципе нейтралитета, унаследованном от Ататюрка

и основанном на доктрине «Мир дома, мир во всём мире». Этот нейтралитет был глубоко националистическим по своей сути, его главной целью было сохранение суверенитета и территориальной целостности молодой республики, избежав вовлечения в разрушительный конфликт.

Однако давление международных обстоятельств заставило Анкару проводить более гибкий и колеблющийся курс. Опасения относительно советских экспансионистских планов (особенно в отношении проливов) после заключения пакта Молотова-Риббентропа и стремительные успехи вермахта в Европе в 1940-1941 годах подтолкнули Турцию к сближению с Германией. В этот период в турецком обществе и политической элите, особенно среди ультра националистических кругов, связанных с такими фигурами, как Нихаль Атсыз и Альпарслан Тюркеш, наблюдается всплеск пантюркистских настроений. Их идеи о единстве тюркских народов под эгидой Турции и создании великого «Турана», хоть и противоречили классическому кемалистскому национализму, сфокусированному на границах Анатолии, но находили определённый отклик, так как перекликались с более ранними концепциями Зии Гёкальпа — соратника Ататюрка, идеолога кемализма, который основывал своё видение тюркизма на общности культуры, языка и религии [10, с. 12].

Официальная власть первоначально не препятствовала этой риторике, видя в ней возможный инструмент давления на СССР. Однако после коренного перелома в войне под Сталинградом и на Курской дуге, когда стало очевидно поражение Германии, позиция Анкары резко изменилась. В 1944 году Инёню публично осудил пантюркизм как «опасную и преступную идею», были инициированы судебные процессы («расистско-туранистские процессы») против его наиболее радикальных пропагандистов [1]. Этот разворот демонстрирует ключевую черту политики Инёню — прагматичную адаптацию кемалистских принципов под давлением внешних обстоятельств. Нейтралитет и национализм понимались не как догма, а как инструменты для обеспечения главной цели — выживания турецкого государства.

«Турецкий фактор» в контексте советских депортаций

2 ноября 1943 года начинается принудительное выселение этнических карачаевцев с территории Карачаевской АО Ставропольского края и прилегающих районов. Во исполнение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 12 октября 1943 г. № 115/13 «О ликвидации Карачаевской автономной области и об административном устройстве её территории» (под грифом «не для

печати»), по разным оценкам, от 65 842 до 69 267 карачаевцев [5, с. 140; 6, с. 9; 17, с. 105; 14] насильственно ссылались в Казахскую и Киргизскую ССР.

Свыше 43 000 карачаевцев не смогли пережить нечеловеческие условия депортации, среди них – 22 000 ребёнка [15]. К. Т. Лайпанов писал, что «почти половина депортированного карачаевского населения погибла от голода и болезней», причем погибли в основном «дети фронтовиков и их родители, младшие братья и сёстры» [12, с. 77].

Постановлением СНК от 6 ноября 1943 г. № 1221-368сс «О порядке заселения районов бывшей Карачаевской автономной области Ставропольского края» территория Карачая была впоследствии разделена между соседними регионами – Черкесской АО, Ставропольским краем РСФСР и Грузинской ССР – и предполагалась к заселению «проверенными категориями трудящихся».

8 марта 1944 года началась принудительная депортация балкарцев – тюркоязычного и родственного карачаевцам народа КБАССР. За пару часов депортации подверглось 37 713 балкарцев [2, с. 26] (из них несколько сотен – чуть позже, в мае, с территории бывш. Карачая / Клухорского р-на Грузинской ССР), включая даже участников Гражданской войны, фронтовиков и партработников. В вагонах для перевозки скота они были переселены туда же, куда и их кавказские земляки – в Центральную Азию. За 18 дней пути умерло 562 человека [16, с. 280].

18 мая 1944 года началась депортация крымскотатарского народа. Без суда и следствия все крымские татары подвергались тотальной депортации из Крымской АССР в Узбекскую ССР. «Правовым» основанием высылки коренного народа послужило секретное Постановление ГОКО СССР № ГОКО-5859 от 11.05.1944 «О крымских татарах» за подписью И.В. Сталина, которое начинается с бездоказательных обвинений целого народа в тягчайших преступлениях – массовый переход на сторону врага, зверские расправы над советскими людьми, способствование их угону в рабство.

От 191 014 чел. (свыше 47 000 семей) [4, с. 650] до 191 088 чел. [5, с. 138] (по июньской телеграмме Л. Берии – И. Сталину, 183 155 чел.), будучи представителями коренного народа Крыма, в вагонах-теплушках без элементарных условий (еды, воды, туалета и медицинского обслуживания) принудительно депортировались со своей исторической Родины в далёкие степи Центральной Азии.

31 июля 1944 г. Государственный Комитет Обороны постановил (№ 6279сс) из пограничной полосы Грузинской ССР 16 700 хозяйств с населением 86 000 чел. – турок, курдов и хемшилов (армяне-мусульмане) переселить в Казахскую, Узбекскую и Киргизскую ССР. 20 сентября того же года во исполнение постановления Л.П. Берией был подписан секретный приказ НКВД № 001176, определяющий процедуру лишения людей родного крова и права проживать на своей земле.

Спецоперация началась утром 15 ноября, её результатом стало такое же отвратительное, как в вышеописанных случаях, переселение 91 095 чел. (если верить докладной записке Л.П. Берии [6]). По другим данным, их число может достигать 116 000 чел., число детей до 16 лет – 45 985 чел. Нечеловеческие условия 3-недельного пути в зимний период не могли не сказаться на смертности, которая, по неофициальным данным, достигала до 1/3, по официальным – 11,8% [13].

Отметим, что этническая группа ахыска из Месхетии не обвинялась в предательстве и пособничестве врагу, ибо линия фронта проходила за многие километры от них, здесь у кремлёвских вершителей судеб нашлись другие доводы. В упомянутой докладной записке наркома внутренних дел жители приграничных районов Грузии были виноваты уже только в том, что имеют родственные связи с Турцией, а далее – «проявляют эмиграционные настроения», занимаются контрабандой и служат агентурой для турецкой разведки (слова при этом ничем не подкрепляются).

В целом, до сих пор в исторической науке бытуют различные мнения об истинных мотивах советского руководства, организовавшего ссылку целых народов. Одна из самых распространённых версий – это подготовка к возможной войне с Турцией и «исламском факторе». Это обстоятельство представляет для нас интерес.

Антисоветский исламский блок во главе с Турцией виделся в Москве, по мнению А.Н. Бурова [7, с. 59-60], реальной угрозой с юга, что вынуждало принимать соответствующие превентивные меры, среди которых могла быть и этническая высылка тюркоязычных народов.

Критически оценивая данный тезис, необходимо сказать, что в кемалистской Турции бушевал жёсткий лаицизм, отвергающий политический ислам, поэтому единение турков под исламскими знамёнами во главе с Турцией видится в тот период невозможным.

Включение в 1939–1940гг. в состав СССР территорий Балтии, Бессарабии, Северной Буковины, Карельского перешейка с опаской воспринимались в Турции, как возрождение российской

экспансии [9, с. 191-192]. В 1942 г. Турция сосредоточила значительную группировку войск у своих восточных границ, что вынуждало Советский Союз держать Закавказский фронт в состоянии высокой боевой готовности. В турецкой прессе и в кулуарах правящей верхушки стали реанимироваться идеи пантюркизма и «Турана», предполагавшие в своём крайнем правом выражении политический контроль над территориями тюркских мусульманских народов СССР, которые должны провозгласить независимость после падения большевистского режима [11, с. 246-248]. Однако ж в 1943 г., после коренного перелома в войне, турецкая внешняя политика сделала заметный крен в сторону держав Антигитлеровской коалиции, пантюркистские группировки были арестованы, пропаганда пресечена, власть официально заявила о приверженности кемалистскому национализму. В целом же, внешняя политика Турции сводилась к обеспечению неучастия страны в кровопролитной войне ни на одной из сторон, так как риски прямого военного столкновения с одним из блоков, помня горечь Первой мировой войны, турецкая власть расценивала катастрофически опасными для страны.

Но «враждебный нейтралитет» Турции в начале войны, демонстративные реверансы идеям пантюркизма, которые ранее пресекались М.К. Ататюрком, не могли остаться незамеченными в Москве, поэтому, действительно, «турецкий фактор» можно назвать одной из причин организованной советской верхушкой депортаций ряда народов, обусловленный недоверием власти к «нелояльным» народам.

Учитывая, что после войны Турция примкнула в конечном итоге к западному блоку, можно предположить, что такое настороженное отношение советской власти именно к тюркским депортированным народам продиктовано сохранением опасений относительно распространения идей пантюркизма или ориентацией поруганных народов на Турцию. Однако ошибкой было бы это уверенно утверждать, поскольку такие полумеры также можно объяснить и тем, что на родине репрессированных народов сложилась иная экономическая, культурная и социально-политическая обстановка, и возвращение в места прежнего проживания хозяев этих земель могло бы, по опасениям советской власти, дестабилизировать обстановку. Вместо решения созданных им же проблем государство решило оставить всё, как есть.

В конце концов, турецкая угроза сама по себе в полной мере не объясняет мотивы депортаций и не может являться их единственной причиной, поскольку в таком случае неясно, почему

тогда такая страшная участь миновала азербайджанцев, аджарцев-мусульман, ногайцев, кумыков Дагестана? Или почему среди тотально депортированных тюрков-мусульман оказались чеченцы, ингуши и калмыки? Если депортации на юге не были привязаны к тюркскому фактору, то по каким соображениям оказались не тронуты (относительно) остальные мусульмане Северного Кавказа нетюркского происхождения – черкесы (адыги, кабардинцы), абазыны, народы Дагестана?

Заключение

Проведённый анализ политики Исмета Инёню в годы Второй мировой войны позволяет сделать вывод о её существенной трансформации по сравнению с ортодоксальным кемализмом Ататюрка. Инёню, сохраняя приверженность базовым принципам республики, тем не менее, допускал в официальный дискурс элементы идей других тюркистов из окружения основателя государства. В условиях военного времени пантюркизм, воспринимавшийся прежде всего как культурно-этническая, а не религиозная концепция, был тактически использован как инструмент гибкой внешней политики. При этом исламский фактор последовательно маргинализировался, что соответствовало принципу лаицизма как незыблемой основе государственной идеологии.

Однако по мере изменения военно-стратегической обстановки и нарастания угрозы со стороны СССР, Турция осуществила быстрый и решительный откат от экспансионистской версии тюркизма. Подавление пантюркистских групп в 1944 году и возвращение к доктрине кемалистского национализма, сфокусированного на защите суверенитета в границах Анатолии, продемонстрировали прагматизм Инёню и его приверженность стратегическим основам турецкой государственности. Этот маневр подтвердил, что любые идеологические отклонения допускались лишь в той мере, в какой они не угрожали существованию республики.

Таким образом, политика Инёню представляет собой характерный пример адаптации кемалистских принципов к экстремальным вызовам военного времени. Прагматичное использование элементов пантюркистской риторики с последующим возвращением к ортодоксальному национализму свидетельствует не об отказе от наследия Ататюрка, а о гибкости его интерпретации в критических условиях. Данный исторический опыт важен для понимания эволюции турецкой государственной идеологии и ее способности к тактическим маневрам при сохранении стратегических основ.

Список литературы:

- [1] Zürcher E.J. Turkey: A Modern History. 4th ed. London: I.B. Tauris, 2017. 416 p.
- [2] Аккиева С.И., Бугай Н.Ф. Они сражались за Родину: представители репрессированных народов СССР на фронтах Великой Отечественной войны: книга-хроника / отв. ред. Н.Ф. Бугай. – М.: Новый хронограф, 2005. – 342 с.
- [3] Байрамов А.Г. Эволюция формы турецкого государства (XIII – XX вв.): историко-правовое исследование: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2011. – 48 с.
- [4] Бердинских В.А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов России. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 768 с.
- [5] Бугай Н.Ф. К вопросу о депортации народов СССР в 30-40-х годах // История СССР (ВИ). – 1989. – № 6. – С. 135–144.
- [6] Бугай Н.Ф. Что это было? // Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии. – М., 1992. – С. 3–36.
- [7] Буров А.Н. К вопросу об основных причинах депортации «наказанных» народов // Репрессированные народы: история и современность. – Элиста, 1992. – С. 59–60.
- [8] Докладная записка наркома внутренних дел Л.П. Берии И.В. Сталину, В.М. Молотову, Г.М. Маленкову о проведении операции по переселению турок, курдов и хемшинов из пограничных районов Грузинской ССР (28.11.1944, № 1282/б). – ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 67. Л. 399–400. Зав. копия.
- [9] Еремеев Д.Е. История Турецкой Республики с 1918 года до наших дней. – М.: Квадрига, 2017. – 383 с.
- [10] Исазаде А.Р. Развитие политической и правовой идеологии в Турции (вторая половина XIX – первая половина XX вв.): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1997. – 25 с.
- [11] Киреев Н.Г. История Турции XX век. – М.: ИВ РАН: Крафт+, 2007. – 608 с.
- [12] Лайпанов К.Т. О депортации карачаевцев // Репрессированные народы: история и современность: Мат. респ. науч. конф. / отв. ред. М. Н. Кубанова. – Карачаевск, 2003. – С. 76–80.
- [13] Полян П.М. Принудительные миграции в годы Второй мировой войны и после её окончания (1939–1953) [Электронный ресурс]. – URL: <http://old.memo.ru/history/deport/polyan2.htm#f32> (дата обращения: 24.03.2025).
- [14] Сообщение начальника ГУЛАГа В.Г. Наседкина наркому внутренних дел Л.П. Берии о завершении расселения карачаевцев в Джамбульской и Южно-Казахстанской областях Казах-

ской ССР и во Фрунзенской области Киргизской ССР (08.12.1943). – ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 137. Л. 134–136.

[15] ТАСС: Карачаево-Черкесия вспоминает жертв депортации карачаевского народа в 1943 году [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/5748961> (дата обращения: 18.05.2021).

[16] Шаббаев Д.В. Правда о выселении балкарцев. – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 304 с.

[17] Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. – М.: Наука, 2005. – 306 с.

Spisok literatury:

- [1] Zürcher E.J. Turkey: A Modern History. 4th ed. London: I.B. Tauris, 2017. 416 p.
- [2] Akkueva S.I., Bugay N.F. They fought for the Motherland: representatives of the repressed peoples of the USSR on the fronts of World War II: a chronicle book/ed. ed. N.F. Bugay. – M.: New chronograph, 2005. – 342 s.
- [3] Bayramov A.G. Evolution of the form of the Turkish state (XIII-XX centuries): historical and legal research: Author. dis.... Dr. Jurid. sciences. – M., 2011. – 48 s.
- [4] Berdinskikh V.A. Special settlers: Political exile of the peoples of Russia. – M.: New literary review, 2005. – 768 s.
- [5] Bugay N.F. On the issue of deportation of the peoples of the USSR in the 30-40s//History of the USSR (VI). – 1989. – № 6. – S. 135-144.
- [6] Bugay N.F. What was it ?//Joseph Stalin to Lavrenty Beria: “They must be deported”...: Documents, facts, comments. – M., 1992. – S. 3-36.
- [7] Burov A.N. To the question of the main reasons for the deportation of “punished” peoples// Repressed peoples: history and modernity. – Elista, 1992. – S. 59-60.
- [8] Memorandum of the People’s Commissar of Internal Affairs L.P. Beria I.V. Stalin, V.M. Molotov, G.M. Malenkov on the operation to resettle Turks, Kurds and Chemshins from the border regions of the Georgian SSR (28.11.1944, No. 1282/b). – GARF. F. R-9401. Op. 2. D. 67. L. 399-400. Head copy.
- [9] D.E. Eremeev. History of the Republic of Turkey from 1918 to the present day. – M.: Quadriga, 2017. – 383 p.
- [10] Isazade A.R. Development of political and legal ideology in Turkey (second half of the XIX - first half of the XX centuries): Author. dis.... cand. jurid. sciences. – M., 1997. – 25 s.
- [11] Kireev N.G. History of Turkey XX century. – M.: IV RAS: Kraft +, 2007. – 608 s.
- [12] Laipanov K.T. On the deportation of Karachais//Repressed peoples: history and modernity: Mat. Rep. scientific. conf. /hole ed. M.N. Kubanova. – Karachayevsk, 2003. – S. 76-80.

[13] Polyan P.M. Forced migrations during the Second World War and after its end (1939-1953) [Electronic resource]. - URL: <http://old.memo.ru/history/deport/polyan2.htm#f32> (access date: 24.03.2025).

[14] Message from the head of the GULAG V.G. Nasedkin to the People's Commissar of Internal Affairs L.P. Beria on the completion of the resettlement of Karachais in the Dzhabul and South Kazakhstan regions of the Kazakh SSR and in the

Frunze region of the Kyrgyz SSR (08.12.1943). - GARF. F. R-9479. Op. 1. D. 137. L. 134-136.

[15] TASS: Karachay-Cherkessia recalls the victims of the deportation of the Karachay people in 1943 [Electronic resource]. - URL: <https://tass.ru/obschestvo/5748961> (access date: 18.05.2021).

[16] Shabaev D.V. The truth about the eviction of the Balkars. - Nalchik: Elbrus, 1992. - 304 s.

[17] Zemskov V.N. Special settlers in the USSR, 1930-1960. - M.: Nauka, 2005. - 306 s.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.